

— Что там может быть? Особенная бесполезность? — Чжэнь Чжу распалась всё больше. — Цай Чжи, да очнись ты! Кто во всём дворце Чанлэ не знает, что после сестрицы Лю Янь следующая по положению — ты! Когда принцесса уезжала, разве не тебя с сестрицей Лю Янь взяла? А эта Яояо — кто она такая?

Чжэнь Чжу пылала негодованием:

— Цай Чжи, мне за тебя обидно! Особые отношения сестрицы Лю Янь с принцессой вне обсуждения, нам до них не дотянуться, но ты? Мы все пришли в дворец Чанлэ вместе, и по способностям, и по преданности ты среди нас — первая, а обращаются с тобой так же, как со всеми! Я-то думала, когда принцесса вернётся, она наконец оценит тебя по достоинству, а тут откуда ни возмись какая-то Яояо!

Цай Чжи слушала, и чем дальше, тем больше ощущала неладное. Яояо — та, к кому и принцесса, и сестрица Лю Янь относятся по-особому, просто ей пока не поручали дел. С чего бы Чжэнь Чжу так предвзято к ней относиться?

Да и чувствовала Цай Чжи... будто в словах Чжэнь Чжу сквозило недовольство самой Седьмой принцессой?

Цай Чжи забеспокоилась и потянулась было зажать Чжэнь Чжу рот.

Но было поздно.

«Чжэнь Чжу, Цай Чжи». — Сзади раздался суровый голос Лю Янь.

Чжэнь Чжу и Цай Чжи вздрогнули. Обернувшись, они увидели приближающуюся Лю Янь.

Обе тут же опустились на колени: «Сестрица Лю Янь!»

«О чём болтаете?» — Лицо Лю Янь было недоброе. На мгновение отвлеклась — и эти две уже умудрились набедокурить? А ведь Седьмая принцесса терпеть не могла трескотни.

Тем более Цай Чжи была, пожалуй, самой спокойной и радующей сердце служанкой во всём дворце Чанлэ. Часто Лю Янь намеренно готовила её как свою правую руку, надеясь, что та поскорее встанет на ноги и вместе они смогут лучше служить Седьмой принцессе.

Чжэнь Чжу была к Цай Чжи ближе всех, и Лю Янь полагала, что та, с её степенностью, сумеет обуздать пылкую натуру подруги. И ведь раньше всё было хорошо! А теперь, как только принцесса вернулась во дворец, как только та получила от императора столько даров — самое время для всяких неожиданностей, — Чжэнь Чжу вдруг выкидывает такой фортель?

Чжэнь Чжу и Цай Чжи затаили дыхание.

Что отвечать? Не станешь же говорить, что пересуживали госпожу.

Да и задала Лю Янь вопрос не за тем, чтобы услышать ответ. Она дала служанкам помолчать на коленях, затем развернулась и удалилась, лишь бросив на ходу: «Работу делайте внимательнее. Вечером явитесь ко мне для наказания».

Чжэнь Чжу и Цай Чжи хором отозвались: «Слушаемся!»

Цай Чжи приподнялась и глубоко выдохнула.

Слава небесам... Если сестрица Лю Янь сказала так, значит, она лишь сделала строгий вид, а на деле будет снисходительна.

Пусть Лю Янь и держалась с ними всегда строго и чопорно, она не была бессердечной и непримиримой. Обычно, если провинность не слишком велика, она не ставила служанок в суровые условия.

Но впервые Цай Чжи услышала от Лю Янь такой суровый тон, отчего ей стало немного не по себе, и она ощутила лёгкий озноб.

«Давай вставай скорее!» — Цай Чжи, придерживая вещи одной рукой, другой подняла Чжэнь Чжу. — Народу во дворце немного, нужно поскорее всё прибрать!

Чжэнь Чжу поднялась, но в её взгляде всё ещё тлела обида: «Почему...»

Три дня спустя император Цяньин призвал Седьмую принцессу в Сандаловый чертог.

«Сяо Ци*, — ныне император смотрел на эту дочь с неизбывной нежностью, — я намерен даровать тебе почётный титул. Как ты на это смотришь?»

Сяо Ци (Маленькая Седьмая) — «Маленькая Седьмая», ласковое обращение.

Едва слова слетели с его уст, как не только Янь Лян изумилась, но и у Государственного наставника ёкнуло сердце.

Даровать Седьмой принцессе титул?!

Ведь в династии Дажун условия для обретения принцессой титула были чрезвычайно суровы! За триста с лишним лет истории Дажун титулованной принцессой была лишь одна-единственная, да и то потому, что в те времена в империи царил хаос, и на престол взошёл наследник, не достигший и года от роду. Старшая принцесса, как единственная совершеннолетняя представительница рода Янь, вынуждена была взять бразды правления в свои руки и целых двенадцать лет исполняла обязанности регентши, пока не вернула власть подросшему императору.

Менее чем через десять лет наступил самый процветающий период в истории Дажун, и в заслугах регентши-принцессы нельзя было усомниться, потому ей и был дарован титул «Принцессы-защитницы государства».

С тех пор ни одна принцесса не удостаивалась подобной чести!

А теперь император Цяньин предлагает даровать титул Янь Лян... По одному этому Государственный наставник мог заключить: среди всех детей императора остальные, вместе взятые, вряд ли сравнятся в его сердце с Седьмой принцессой!

Услышав сие, Янь Лян изобразила на лице полнейшее смятение и ошеломление, а затем, словно наконец постигнув смысл слов императора, в испуге опустилась на колени: «Ваш сын*... ваш сын не смеет! Титул — это честь, коей достойна лишь такая небожительница, как Принцесса-защитница государства! Как могу я, недостойная, о нём помышлять?»

_Ваш сын — так наследники и дети императора традиционно называют себя перед ним, независимо от пола.

«Эх, дитя моё...» — император с доброй досадой покачал головой и сам поднял дочь. — Встань, встань! Что за вид.

Янь Лян покорно позволила поднять себя, но в глазах её мелькнула усмешка — неужели император и впрямь не испытывал её, а искренне желал даровать титул?

Вспоминая прошлую жизнь, где император Цяньин до самой смерти не удостоил её и взгляда, Янь Лян находила это весьма забавным.

Раз Янь Лян отказалась, император не стал настаивать. Честно говоря, предлагая даровать титул, он и сам поддался минутному порыву — ведь такая почтительная дочь, как Янь Лян, преподнесла ему рецепт бессмертия! Если он обретёт бессмертие, то и вся династия Дажун будет процветать вечно.

С этой точки зрения вклад Янь Лян в Дажун можно было поставить в один ряд с заслугами Принцессы-защитницы государства, если не выше.

Однако, чуть остыв, император и сам осознал некоторую неуместность предложения. Если бы Янь Лян приняла титул с благодарными слезами, ему пришлось бы, скрепя сердце, поддержать свой престиж и даровать ей какой-нибудь титул, но непременно самый незаметный.

Но раз уж Янь Лян сама заявила, что не достойна такой чести, император с радостью воспользовался предоставленной ею же лестницей, чтобы спуститься вниз, и пропустил сей вопрос молчанием, словно ничего и не было.

Император ещё несколько раз осведомился о делах принцессы, и та отвечала на каждый вопрос. В этот момент главный евнух приблизился к императору и что-то шепнул ему на ухо. Лицо императора переменялось, и он поспешно удалился.

Государственный наставник взглянул на Седьмую принцессу и, увидев, что та не собирается уходить, отпустил прислугу Сандалового чертога.

Седьмая принцесса была отъявленной ленивицей и не любила лишних хлопот; если она оставалась в чертоге, значит, ей было что обсуждать.

Янь Лян лениво взмахнула рукавом, разгоняя струйку курильного дыма, что было уже близко к её лицу: «Наследный принц, что ли?»

Она говорила о причине столь поспешного удаления императора.

Государственный наставник не стал ни подтверждать, ни отрицать: «Почему Ваше Высочество так полагает?»

«Мой августейший отец ныне обращает взор на весьма немногие вещи. Смутные времена в Дажун длятся не день и не два; раз удаётся сохранять столь шаткое равновесие, он, верую, с радостью позволит всему идти своим чередом, дабы не тратить время, силы, средства и ресурсы ни на что, кроме Сандалового чертога».

«Если же говорить о том, что и впрямь способно взволновать отца, то во всём дворе таких возможностей — раз-два и обчёлся. Левый министр из рода Цзян недавно имел с отцом долгую душевную беседу, и при дворе только и разговоров, что о мудром государе и достойных сановниках. Левый министр — человек осмотрительный; даже если бы он и задумал переменить курс, не стал бы действовать столь внезапно».

Янь Лян продолжила: «Помимо того, в роду Сун в последнее время не случилось ничего примечательного. Генерал Сун по-прежнему на северной границе, а Мудрая наложница Сун, даже если бы и затеяла что-либо, едва ли выбрала бы для этого именно сейчас... Хотя, если речь о моём пятом брате, то тут уж ничего не скажешь. Этот способен в любой момент ляпнуть какую-нибудь глупость».

Пятый принц Янь Минсинь был сыном Мудрой наложницы Сун. Среди отпрысков императора Цяньин он, учитывая род матери, влияние и возраст, был одним из претендентов на наследование престола.

<http://bllate.org/book/16273/1465220>